

ВОССТАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПОСЕВЫ И ВСХОДЫ

СЕВЕРНАЯ АФРИКА: «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАН-ЭКСПОРТЁРОВ УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ

В.Ю. КУКУШКИН

Кандидат экономических наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: нефть, природный газ, «арабская весна», Северная Африка, проклятье ресурсного изобилия, государства-рантье

Для стран-экспортёров нефти и природного газа Североафриканского региона, которые испытали череду социально-экономических, политических и военных потрясений 2011-2014 гг., зачастую условно объединяемых под общим названием «арабская весна», эти события, в целом, имели серьёзные отрицательные последствия¹. Они сказались на ключевых отраслях нефтегазового сектора, а также на тенденциях и перспективах экономического развития либо непосредственно (в Ливии, Судане и Южном Судане, а также в Египте), либо, по преимуществу, косвенно, что было характерно для Алжира до начала 2014 г.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ПОТЕРИ ЭНЕРГОСЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ

В 2010 г. Ливия, добывавшая 77,7 млн т нефти, занимала по её производству 1-е место в регионе и 3-е - на Африканском континенте (после Нигерии и Анголы).

В результате гражданской войны 2011 г. при активном вмешательстве вооружённых сил НАТО и ряда его союзников на стороне повстанцев ливийская нефтедобыча упала почти в 3,5 раза - до 22,5 млн т. В 2012 г. её удалось восстановить до уровней, близких к предвоенным.

Однако это возрождение оказалось весьма недолговечным и шатким, главным образом ввиду остроты противоречий внутри

страны, прежде всего политических, а также локальных, этнических, клановых, родоплеменных и прочих, которые привели к многократным случаям блокады трубопроводных коммуникаций и экспортной инфраструктуры, прежде всего нефтяных и газовых погрузочных терминалов.

К ноябрю 2013 г. добыча нефти вновь упала до уровня примерно 12,5 млн т (в пересчёте на годовые темпы), или более чем в 6,2 раза по отношению к предвоенному. Почти одновременно происходили неоднократные перерывы в экспортных поставках ливийского природного газа. Эти события резко ухудшили внешнеторговые позиции Ливии.

Потери суданской нефтегазовой промышленности по масштабам вполне сопоставимы с ливийскими, вследствие разделения единого хозяйственного комплекса страны в 2011 г. на два новых государственных образования - Судан и Южный Судан, а также в результате продолжения конфликтов между ними и внутри каждого из этих двух государств. В 2011-2012 гг. их суммарная добыча нефти сократилась почти вчетверо, по сравнению с показателем последнего года существования унитарного Судана: с 22,3 до 5,6 млн т².

Нефтедобычу Египта пока миновали столь резкие спады. Однако политический и социально-экономический кризис не обошёл стороной наиболее динамичную, до недавних пор, отрасль в египетском энергосырье-

вом комплексе - газовую промышленность. Тяжелее всего кризисные процессы проявились в самых высокотехнологичных её подразделениях - предприятиях по добыче голубого топлива на морском шельфе и экспорту сжиженного природного газа (СПГ).

Общий объём поставок египетского газа на внешние рынки с максимального уровня 18,32 млрд м³ в 2009 г. опустился до 7,3 млрд м³ в 2012 г. В 2008 г. экспорт СПГ достиг своего максимума в 14,06 млрд м³, а в 2012 г. - упал до 6,7 млрд³. Причём за эти годы, во исполнение ранее заключённых контрактов, египетская газовая промышленность продолжала наращивать некоторые из чрезвычайно капиталоемких производственных мощностей⁴. Загрузка действующих и вводимых в строй объектов неуклонно снижалась, вызывая дополнительные финансовые потери как государства, так и его зарубежных партнёров.

Например, одна из наиболее успешных в 1990-е - 2000-е гг. газодобывающих и экспортирующих компаний - английская *BG Group PLC (British Gas)*, которая ещё недавно гордилась феноменальной, почти 100%-ной результативностью поисково-разведочных работ на своих лицензионных участках в Египте, понесла серьёзные убытки и вынуждена была списать существенную часть балансовой стоимости своих египетских активов на сумму \$1,3 млрд в IV квартале 2013 г. К началу 2014 г. государственные

учреждения страны накопили непогашенную задолженность объемом почти \$1,4 млрд в отношении этой английской фирмы. В I квартале 2014 г. она полностью прекратила экспортные поставки СПГ из Египта, во II - ожидала отправить оттуда не более одного танкера (для сравнения отметим, что за тот же период 2013 г. ей удалось загрузить 10 судов египетским СПГ).

Одна из главных технико-экономических проблем BG - сокращение добычи на самом продуктивном газовом промысле компании в Египте - шельфовом месторождении *West Delta Deep Marine* в Средиземном море. Для интенсификации производства здесь настоятельно необходимо проведение дополнительных буровых работ с участием зарубежных специалистов, а также импорт оборудования. В нынешней нестабильной политической ситуации фирма не рискует ни командировать в Египет своих сотрудников, ни финансировать новые капиталовложения. Помимо ухудшения инвестиционного климата, BG испытывает усиленное давление со стороны египетского государства, которое вынуждено направлять всё более существенную часть падающего производства газа на внутренний рынок, ещё жестче ограничивая экспортные возможности⁵.

Другой партнёр Египта - испанская фирма *Union Fenosa Gas* - испытывает аналогичные трудности от недогрузки мощностей своих предприятий по экспорту СПГ, но ищет иные способы обойти кризисную ситуацию. В мае 2014 г. она подписала декларацию о намерениях с консорциумом предприятий, эксплуатирующих газовый промысел *Tamar* на израильском участке средиземноморского шельфа. Этот документ предусматривает скорое заключение 15-летнего контракта на поставки 70 млрд м³ израильского ПГ по трубопроводу в Египет для последующего сжижения на предприятии *Union Fenosa* и дальнейшего реэкспорта из Египта в виде СПГ. Характерно, что до 2011 г. Израиль, напротив, довольно долго импортировал египетский газ по той же самой трубопроводной системе, которую теперь предполагается перевести в реверсивный режим для прокачки «голубого топлива» в обратном направлении⁶.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ - БАЗА РАЗВИТИЯ ИЛИ ОРУЖИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ?

Вероятно, выход из кризисной ситуации окажется наиболее сложным и продолжительным в Ливии и Южном Судане. Нефтегазовая промышленность становится заложницей острейших, труднопреодолимых внутренних противоречий. Разнообразные меры воздействия, преимущественно силового, на этот отраслевой комплекс широко применяет большинство многочисленных политических, региональных, этнических, конфессиональных группировок, главным образом периферийных, для давления на соперников, прежде всего, в правящих кругах пока чрезвычайно слабой центральной власти.

В Ливии это, условно говоря, «экономическое оружие» наиболее активно используют следующие группировки: т.н. арабские «федералисты», или сторонники широкой автономии в провинции Киренаика на востоке страны, где сосредоточены наиболее продуктивные из действующих ливийских нефтепромыслов; активисты национального движения ливийских берберов, которые населяют по преимуществу прибрежный северный район Джабаль Нафуса в западной провинции Триполитания, где сконцентрирована преобладающая часть нефтегазовой экспортной инфраструктуры; представители народностей туарегов и тебу (или тубу, тиббу, теда), их племён и межплеменных союзов из южной провинции Феззан (или Феццан).

Так, в 2013 г. самопровозглашённое «Исполнительное бюро» (правительство) Киренаики, действующее в г. Бенгази, учредило собственное министерство природных ресурсов, а также компанию *Libyan Oil and Gas Corporation (LOGC)*. Они формировались изначально как зеркальные дублёры-соперники соответствующих центральных институтов, работающих в столице страны Триполи: коллективного высшего органа законодательной и исполнительной власти в лице Всеобщего национального конгресса, который, правда, формально утратил легитимность в феврале 2014 г. ввиду истечения сроков полномочий, его «технического» временного правительства со своим министерством нефти и газа, а также государ-

ственной корпорации *National Oil Corporation (NOC)*.

Однако практическим результатом такого «дублирования» стало лишь усугубление тупиковой, патовой ситуации. Несмотря на активные усилия, в 2013 г. LOGC не сумела найти никаких зарубежных партнёров, которые рискнули бы приобрести у неё жидкое топливо на экспорт из подконтрольных ей нефтегрузочных терминалов, и тем самым придали бы хоть минимальную международную легитимность упомянутым региональным учреждениям.

Между тем, структура оппозиционных сил - сторонников автономии Киренаики - далеко не исчерпывается их представителями в региональной столице Бенгази, будучи много разнообразнее и сложнее. Так, с лета 2013 г. на авансцену всё активнее стала выдвигаться гораздо более радикальная вооружённая группировка некоего «полевого командира» Ибрагима Джадрана из другого регионального центра Аждабийя. Именно этой группировке удалось, наконец, 8 марта 2014 г. обеспечить загрузку нефтью (по оценке, около 47 тыс. т стоимостью до \$30 млн) танкера под флагом КНДР, зафрахтованного, по разным сведениям, египетскими или саудовскими предпринимателями, в терминале порта Сирт, контролируемого оппозиционерами.

Вскоре «Исполнительное бюро» Киренаики санкционировало эту операцию. Никакие усилия Триполи не воспрепятствовали выходу этого судна из порта в международные воды Средиземного моря, где танкер, приблизившийся к берегам Кипра, позже был захвачен подразделением спецназа ВМФ США и передан 22 марта центральным властям Ливии⁷. Таким образом, только благодаря иностранному военному вмешательству, удалось предотвратить самостоятельную сделку ливийских оппозиционеров на мировом рынке нефти.

Этнические и национальные оппозиционные движения не ставили перед собой столь «глобальных» задач, как «федералисты» Киренаики, ограничиваясь актами более или менее длительной блокады трубопроводов и портов. К подобным мерам прибегали, например, активисты движения берберов на северо-западе, а также туарегов на юго-западе Ливии.

От акций на севере пострадали преимущественно предприятия ливийской газовой промышленности и электроэнергетики. Например, блокада газопровода от промыслов Вафа к побережью в сентябре 2013 г. и позже привела к перебоям в электроснабжении всей западной Ливии. С октября к этому добавилось перекрытие трубопровода и прекращение экспорта газового конденсата, а 12-19 ноября полностью прерывались поставки природного газа в Италию по транссредиземноморской газотранспортной системе «Зелёный поток». До начала 2014 г. их удалось восстановить не более чем до половины пропускной способности этого крупнейшего экспортного газопровода.

В другом случае, с начала ноября 2013 г., вооружённые группы туарегов блокировали один из наиболее продуктивных промыслов Шарара (добыча свыше 15 млн т нефти в год) в юго-западном нефтяном бассейне Мурзук, что ограничило не только экспорт сырья, но и снабжение ливийского нефтеперерабатывающего предприятия в г. Завия⁸.

Центральные власти Ливии оказались не в состоянии применить против оппозиционеров какие-либо санкции, «симметричные» их действиям, из опасений обострить и без того накалённую ситуацию, а также ввиду практической невозможности подвергнуть им оппозицию, не затронув при этом остальное население. Поэтому как реальные, так и потенциальные группировки, оспаривающие монополию государства на вооружённое насилие, продолжают беспрепятственно пользоваться (по низким, сильно субсидируемым ценам, а иногда и вообще бесплатно) бензином, дизельным топливом и прочими нефтепродуктами, которые производит или импортирует государственная НОС. Похожая ситуация сложилась и в сфере электроснабжения, которым обеспечивает их общенациональная *General Electric Company of Libya (GECOL)* на таких же льготных условиях.

ПОДВЕРЖЕНА ЛИ АФРИКА «ПРОКЛЯТЮ РЕСУРСНОГО ИЗОБИЛИЯ»?

В экономической истории североафриканской нефтегазовой промышленности, включая дра-

матические события последних лет, найдётся немало эмпирических основ для теоретических построений, объединённых достаточно условной концепцией «проклятья ресурсного изобилия», наряду с близкой к ней во многом теорией «государстварантье». Прежде всего, чрезвычайно высокая рентоёмкость нефтегазового комплекса обуславливает его своеобразную «роковую» роль в Ливии, как и в большинстве других развивающихся стран.

Так, выполненное ранее автором сравнение некоторых рентообразующих технико-экономических характеристик США и Ливии рубежа 1970-х - 1980-х гг., когда в североафриканской стране уже было введено в хозяйственный оборот большинство наиболее крупных и продуктивных нефтяных месторождений, эксплуатируемых донныне и составляющих основу ливийского энергосырьевого потенциала, дало представление о масштабах абсолютных национальных различий в производительности труда (на основе сопоставления среднегодовых объёмов продукции в расчёте на каждого рабочего и служащего, занятого в нефтегазодобывающей промышленности двух стран).

Конечно, только благодаря исключительно благоприятным природно-геологическим факторам ливийский показатель почти в полтора раза превосходил американский, несмотря на самые передовые достижения техники и технологий, применявшихся в США. Гораздо заметнее были (и по-прежнему остаются) разрывы в эффективности капиталовложений.

Так, в Ливии каждый миллиард долларов инвестиций в нефтегазовую промышленность обеспечивал ежегодную добычу и отгрузку на экспорт нефти примерно в 8,5-9 раз больше, нежели идентичные капиталовложения в освоение углеводородных ресурсов американской Аляски⁹.

Важно отметить, что дифференциальная рента любых типов в рыночном хозяйстве образуется объективно, т.е. независимо от конкретных форм собственности и от деятельности владельцев природно-ограниченных ресурсов, не являющихся продуктами труда. Экономические институты и агенты в данном случае влияют лишь на способы и пропорции

распределения рентных доходов.

Наиболее «злую шутку» с экспортёрами энергосырьевых товаров играет объективное противоречие этих доходов, выполняющих ключевую, системообразующую роль в моделях «государстварантье». Дело в том, что для их наиболее эффективной мобилизации требуется максимально централизованное, в идеале - монопольное, обладание и распоряжение рентными ресурсами. А наиболее рациональное применение этих средств, преимущественно валютных поступлений, напротив, зачастую нуждается в гораздо более либеральных механизмах для максимального учёта и примирения различных экономических, социально-политических, региональных и прочих интересов.

После обретения Ливией независимости в 1951 г. при предыдущих государственных устройствах как федеративного (1951-1963 гг.), так и унитарного типа - и при монархии в 1963-1969 гг., и при авторитарном режиме М.Каддафи до 2011 г., - эти задачи решались по-разному, далеко не во всём успешно, но, в целом, с определёнными достижениями.

Например, в течение 1960-х гг. чрезвычайно либеральная внешнеэкономическая политика королевского режима, по сути, превратила Ливию в крупнейшую нефтедобывающую и экспортирующую страну Африки и арабского мира, благодаря беспрецедентным в экономической истории темпам развития нефтяной отрасли, хотя и ценой перераспределения преобладающей доли ренты в пользу иностранных инвесторов и государств Запада. Остаток этих средств использовался в национальной экономике далеко не эффективно, по признанию большинства исследователей.

Ужесточение государственного контроля и быстрая национализация отрасли в республиканской Ливии и в годы Джамахирии приводила к серьёзным конфликтам с зарубежными инвесторами, но обеспечивала весьма эффективную мобилизацию нефтяной ренты в государственный бюджет.

Планы развития 1970-х - 2000-х гг. благодаря обильному внутреннему финансированию позволили реализовать целый ряд мегапроектов в сфере индустриализации, аграрного, инфра-

руктурного, социально-культурного развития и в других областях, которые, как намечалось, должны были постепенно избавить страну от сильнейшей «нефтяной зависимости»¹⁰. Но по многим причинам эта главная задача всё ещё далека от достижения не только в Ливии, но и практически во всех «государствах-рантье».

Кроме того, как показал печальный современный опыт после 2011 г., предшествующим унитарным ливийским государственным структурам не удалось преодолеть многие региональные и другие социальные противоречия, проявившиеся экстремально в ходе «арабской весны».

Главный драматизм нынешней ситуации в том, что чрезвычайно слабое ливийское государство после гражданской войны не в состоянии извлекать рациональные и практические уроки из опыта своих предшественников. Оно пассивно участвует в переделе сокращающихся рентных доходов между новыми элитами и наблюдает, как тают национальные валютные сбережения, которые к концу 2013 г. составляли пока ещё внушительные \$143 млрд только ликвидных авуаров (эквивалент стоимости 2-3-летнего импорта товаров и услуг).

ОПЫТ АЛЖИРА: МОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ НЕФТЯНОЕ «ПРОКЛЯТЬЕ» В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ?

Трудности, переживаемые Ливией, вывели Алжир в 2011 г. на 1-е место по производству жидких углеводородов (свыше 73 млн т нефти и газоконденсатных жидкостей) в Северной Африке и на 3-е - на всём Африканском континенте. Этой стране в 2010-е гг. пока удавалось избегать серьёзных социальных потрясений, прежде всего, благодаря активной, детализированной и, в общем, довольно действенной государственной системе распределения бюджетных доходов, формировавшихся за счёт поступлений от нефтегазового экспорта.

События «арабской весны» заставляют алжирское руководство ещё больше совершенствовать эту систему. Однако, несмотря на эти усилия, известная ограниченность любых перераспределительных механизмов вызывает у многих исследователей сомнения

в способностях алжирского государства и далее сдерживать нарастающие социальные противоречия при довольно медленных темпах перестройки экономической и институциональной структуры.

Алжир выделяется наиболее длительным опытом форсированной индустриализации (или «индустриальной революции», согласно национальной доктрине) с акцентом на отрасли, производящие средства производства.

Уже вскоре после обретения независимости от Франции, во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., примерно 2/3 его государственных капиталовложений направлялось в промышленность и производственную инфраструктуру, а из промышленных инвестиций, в свою очередь, свыше 80% приходилось на отрасли тяжёлой индустрии.

В число крупнейших, по региональным масштабам, алжирских проектов, реализованных при активном содействии Советского Союза, входил комбинат чёрной металлургии полного цикла в Эль-Хаджаре близ города-порта Аннаба. К середине 1980-х гг. мощности этого предприятия по производству чугуна и стали были доведены до 2 млн т в год. Создание крупных объектов теоретически обосновывалось не только опытом СССР и Египта, но и трактовками некоторых западных концепций, например, теорией «полосов роста», разработанной представителями гренобльской экономико-географической школы во Франции.

Вскоре, однако, в практической реализации экономических моделей, применявшихся в Алжире, обнаружились недостатки. К наиболее серьёзным из них относились нарушения межотраслевого баланса: проявилось отставание обрабатывающей промышленности, капитального строительства, инфраструктуры и других подразделений хозяйства, которым отводились роли главных потребителей продукции базовых индустриальных комплексов, включая металлургию.

Во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. к этому добавились финансовые трудности вследствие резких спадов конъюнктуры на энергосырьевых экспортных рынках, обострение проблем внешней задолженности и, наконец, глубокая политическая дес-

табилизация, а затем почти десятилетнее пребывание государства на грани гражданской войны с исламскими радикалами.

В результате, с конца 1980-х до начала 2010-х гг. создание новых отраслей в Алжире практически приостановилось. Крупные предприятия базовой индустрии продолжали вводиться в строй почти исключительно в нефтегазовом комплексе и обслуживающей его инфраструктуре, тогда как другие промышленные подразделения ограничивались преимущественно реструктуризацией либо добавлением относительно небольших объектов. Реструктуризация включала существенные реформы прав собственности в общем контексте заявленных рыночных преобразований, главным образом, акционирования с последующей распродажей активов частным инвесторам, преимущественно иностранным, особенно стратегическим.

Так, в 2001 г. комбинат в Эль-Хаджаре стал совместной акционерной компанией *ArcelorMittal Annaba*. В этой компании 70% капитала приобрела *ArcelorMittal* - крупнейшая из транснациональных металлургических корпораций со штаб-квартирой в Люксембурге, а 30% остались в собственности алжирского государственного концерна *Sider*.

Судя по результатам проведённых преобразований до начала 2013 г., они никак не оказались панацеей. В 2012 г. Эль-Хаджар выплавил только 580 тыс. т стали, что было гораздо ниже запланированных 800 тыс. т и означало общую загрузку на уровне менее 26,4% от годовых производственных мощностей - 2,2 млн т. Комплекс испытывал серьёзные финансовые трудности в течение двух предыдущих лет. В октябре 2012 г. его положение стало критическим, вынудив *ArcelorMittal Annaba* просить правительство о массовой финансовой поддержке, чтобы гарантировать продолжение операций в стране.

В начале июня 2013 г. было достигнуто соглашение: государственный коммерческий Внешний банк Алжира выделяет кредитную линию на сумму \$700 млн для санации предприятия в 2014-2017 гг. Графики процесса предусматривают полную загрузку проектных мощностей и, возможно, расширение их до 2,5 млн т стали к концу периода.

Договорённость о поддержке

увязана также с рекапитализацией *ArcelorMittal Annaba*. Почти наверняка предполагается перераспределение акций в пользу концерна *Sider*, чья доля вырастет с 30% до 46%, и добавление третьего владельца - Национального инвестиционного фонда с долей 5%. Практически сделан шаг в сторону ренационализации с возвращением роли мажоритарного акционера (51%) алжирскому государству¹¹.

События вокруг комбината в Эль-Хаджаре могут стать поворотным пунктом не только в отраслевой политике, но и в общей социально-экономической стратегии Алжира: после перерыва почти в четверть века он пытается восстановить государственные позиции ведущего инвестора в базовые отрасли индустрии, помимо нефтегазовых.

К новым, перспективным для Алжира отраслям относится автосборочная промышленность. Страна прочно утвердилась на 2-м месте в Африке (после ЮАР) по импорту автомобилей. В декабре 2012 г. для строительства автозавода было основано совместное предприятие двумя алжирскими государственными инвесторами-владельцами 51% акций (34% у *Société Nationale de Véhicules Industriels* и 17% - у Национального инвестиционного фонда) и французским концерном «Рено» с долей 49%.

С ноября 2014 г. (после почти 40-летнего перерыва) на нём предполагается начать сборку 25 тыс. легковых автомобилей одной модели в год. Затем их годовой выпуск намечено утроить до 75 тыс., одновременно расширяя модельный ассортимент и повышая удельный вес компонентов местного производства, а в более далёкой перспективе - возможно, довести до 150 тыс. в зависимости от конъюнктуры¹².

Автосборка - это далеко не единственный пример, а современная тенденция в развитии также и других отраслей алжирского машиностроения. Ранее, в августе 2012 г., на аналогичных условиях распределения акций (51:49 в пользу Алжира) крупная американская корпорация *AGCO*, производящая сельскохозяйственную технику, основала совместное предприятие для сборки тракторов марки *Massey Ferguson*¹³. В начале 2013 г. другая крупнейшая энергомашиностроительная корпорация США -

General Electric - основала совместно с Алжиром сборочное предприятие для производства турбин и другого электросилового оборудования¹⁴.

Продолжается также активное развитие инфраструктуры, социальной и хозяйственной, например, транспортной. Реально и, в особенности, потенциально одним из наиболее металлоёмких становятся интенсивные программы расширения и модернизации алжирской железнодорожной сети, которые продолжаются почти непрерывно с 1999 г., включая три пятилетних этапа: 1999-2005, 2005-2009 и 2009-2014 гг.

Для их более эффективной разработки и реализации государственная железнодорожная компания *SNTF* создала в 2007 г. специализированную автономную планово-инвестиционную структуру - *ANESRIF*. При условии успешного выполнения третьего этапа развития протяжённость эксплуатируемых железнодорожных линий предполагается увеличить почти в 2,6 раза - с 3854 км до 10000 км в 2015 г. Общая их протяжённость уже достигает 4573 км, существенно превышая эксплуатируемую¹⁵.

Кроме того, для расширения пропускной способности планируется частичная модернизация железнодорожной сети в целях повысить скорости движения на самых напряжённых участках длиной 1240 км: до 220 км/ч - для пассажирских и до 120-140 км/ч - для грузовых составов. Формально эти пределы заметно ниже эксплуатационных характеристик современных высокоскоростных поездов, но являются большим техническим прогрессом для Алжира¹⁶.

Положительные тенденции спроса во многом оправдывают амбициозные планы алжирского руководства по осуществлению, как минимум, двух, гораздо более масштабных относительно Эль-Хаджара, но пока что менее детализированных, металлургических мегапроектов.

В январе 2013 г. Алжир и Катар подписали соглашение о намерениях строительства в алжирском городе Беллара совместного (с распределением уставного капитала, согласно разным источникам, в пропорциях 61:39 или 51:49) сталеплавильного комплекса. Тогда английские и французские источники оценили его

годовую производительность в 10 млн т (5 млн т нерафинированной стали и ещё 5 млн т переката амортизационного лома).

Сроками реализации проекта, находившегося ещё на стадии технико-экономического обоснования, назывались 2017-2018 гг. Предполагалось, что данный комплекс полностью удовлетворит наличные и перспективные потребности Алжира в продукции металлургии, позволив окончательно отказаться от её импорта¹⁷.

Однако уже в апреле 2013 г. после завершения, в основном, экономических расчётов и подписания более конкретных документов акционерами (алжирским *Sider* и катарским *Qatar Steel International*) пресса Алжира опубликовала о комплексе в Белларе сведения гораздо скромнее: ожидается, что в 2017 г. будет введена в строй первая очередь проекта годовой производительностью 1,5-2 млн т, которая удвоится до 4 млн т стали после пуска второй очереди в 2019 г. Общая сумма проектных инвестиций оценивается почти в \$1,7 млрд. Называются также многие объекты инфраструктуры - транспортные, энергетические, водоснабжения и другие, связанные с основным проектом¹⁸.

Остаётся только гадать: была ли подобная коррекция планов инвесторов вызвана более реалистичными прогнозами динамики внутреннего алжирского рынка металлургической продукции и сырья (например, для предельных мощностей), перспективами удорожания капиталовложений, особенно сопутствующих, либо некими иными причинами.

Как бы то ни было, вероятно, возобладавшая осторожность отраслевых аналитиков на одном направлении не воспрепятствовала заявлениям о следующем мегапроекте, который готовит к старту в 2014 г. консорциум из трёх алжирских государственных предприятий - *Sonatrach*, *Ferphos*, *Sider*.

Одна из его главных целей - освоение богатейших минерально-сырьевых ресурсов на юго-западе Алжира, прежде всего, железорудных месторождений Гара Джебилет и Мешери Абдалла. Их общие запасы оцениваются в 3,5 млрд т, из которых 1,7 млрд могут экономично добываться открытым способом предположительно темпом 20 млн т в год.

Для внутреннего рынка предназначено не более половины этой продукции, остальное - для экспорта. Причём пока не ясно: будут ли обогащённым сырьём снабжаться только действующие и готовые к строительству металлургические комплексы или продолжится проектирование новых сталеплавильных мощностей либо коррекция ранее утверждённых плановых показателей их развития¹⁹.

С одной стороны, для традиционных коксодоменных циклов в Эль-Хаджаре не подходит сырьё железорудных месторождений, готовящихся к освоению; а с другой - их продукция представляется явно избыточной для будущего сталеплавильного комбината в Белларе с учётом сокращения проектных мощностей последнего. В целом, схема внутриотраслевых связей всё ещё представляется далеко не полностью сбалансированной.

Вместе с тем, информация о последнем из упомянутых мегапроектов Алжира подтверждает, по крайней мере, два важных вывода о начале вероятных перемен в его макроэкономической политике и структуре.

Во-первых, комплекс металлургических отраслей, возможно, готовится на роль одного из крупнейших национальных экспортёров вслед за энергосырьевыми, которые, безусловно, надолго сохраняют первенство. Добавляя к первоначальному, импортозамещающим функциям ещё и экспортные, алжирская металлургия могла бы подключиться к решению одной из важнейших задач страны - преодолеть отчётливо выраженную моноотраслевую специализацию её хозяйства в целом, но в особенности, внешне-экономических связей и валютно-финансовой системы. Пока что на нефтегазовые отрасли приходится 40% алжирского ВВП, 98% экспорта и почти 2/3 бюджетных доходов²⁰. Стратегическая цель диверсификации, многократно подтверждённая разными правящими режимами, оставалась вне досягаемости несколько десятилетий.

Во-вторых, ради достижения этой цели алжирское руководство преодолевает многолетние опасения, которые сдерживали широкомасштабное внедрение экспериментальных промышленных технологий. В 1960-е - 1980-е гг. они применялись весьма активно,

например, позволив Алжиру стать промышленным производителем и экспортёром сжиженного природного газа впервые в мире, хотя и подвергнув страну ряду серьёзных технологических катастроф. Поскольку подобное новаторство оказывалось неизменно очень затратным и далеко не всегда удачным, от него надолго отказались. Теперь и в этой сфере наблюдается возрождение некоторых традиций, по крайней мере, частичное повышение склонности государственных инвесторов к предпринимательскому риску в технических решениях по освоению железорудных ресурсов.

Подтверждение полномочий действующего алжирского президента на четвёртый подряд 5-летний срок (с 1999 г.) было обеспечено победой А.Бутефлики на выборах 17 апреля 2014 г. с подавляющим преимуществом - 81,5% голосов²¹. Это внушает определённые надежды на сохранение преемственности курса страны, включая социально-экономическую стратегию, и на реализацию, по крайней мере, ряда перечисленных проектов. В то же время усиливаются опасения некоторых исследователей по поводу вероятной консервации отдельных негативных тенденций последних лет.

С точки зрения «образцового» соответствия характеристикам, на которых основана модель современного «государства-рантье», зачастую в качестве примеров приводятся шесть арабских нефтяных монархий - участниц ССАГПЗ (Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). Однако в годы «арабской весны» Алжир превосходит эти страны, занимая первое место в регионе по одному из главных признаков - активности государственного бюджета в процессе перераспределения валового продукта.

В период 2009-2012 гг. доля госрасходов в алжирском ВВП измерялась 40,8% против 38,1% в совокупном ВВП стран ССАГПЗ. В среднем, для всех ближневосточных и североафриканских экспортёров углеводородного сырья этот показатель составлял 35,4%, а в Египте ещё скромнее - 33,3%. Наибольшее усиление этой активности пришлось как раз на начало «арабской весны»: в 2011 г. суммарные расходы алжирского государства выросли на 50%, и на

46% была повышена зарплата государственных служащих²².

Пока эти меры опираются на довольно солидную финансовую базу: при минимальном внешнем долге Алжир располагает валютными резервами на сумму примерно \$200 млрд, несколько превышающую стоимость трёхлетнего импорта товаров и услуг²³. В то же время отмечаются весьма тревожные тенденции сокращения производства и, ещё более существенного, экспорта топливно-энергетической продукции.

В 2007-2012 гг. добыча Алжиром нефти (с учётом газоконденсатных жидкостей) неуклонно снижалась на 15,6% (с 86,5 до 73 млн т), а производство природного газа колебалось, но, в общем, тоже в сторону снижения почти на 5%²⁴. Относительно невысокую активность иностранного капитала в нефтегазовом комплексе отраслей Алжира, недостаточную для восстановления доказанных запасов углеводородного сырья, зарубежные эксперты объясняют, прежде всего, ухудшением инвестиционного климата ввиду усиления государственного контроля.

Так, относительно либеральный закон 2005 г., который в ряде случаев предоставлял иностранным фирмам право полного владения их алжирскими филиалами, уже в 2006 г. подвергся модификации президентским декретом. Было восстановлено обязательное мажоритарное участие государственной компании «Сонатрак» в размере 51% капитала всех предприятий нефтяных и газовых отраслей, а также повышены налоги на «сверхприбыли». Последняя разновидность налоговой мобилизации ренты была вновь развёрнута в либеральную сторону только в 2013 г.

Другой отрицательный фактор последних лет, продолжающий сдерживать инвестиционную активность, - активизация радикального исламизма в зоне Сахары и Сахеля, на которую в значительной мере повлияли последствия гражданской войны в Ливии, слабость её современного режима и лёгкая проницаемость государственных границ, общая практически для всего региона. Так, на газовом промысле «Ин Аменас» в пустыне Сахара на юго-востоке Алжира вблизи границы с Ливией исламисты в январе 2013 г. взяли в заложники почти 700 сотрудников, в т.ч. иностранцев, и удерживали в течение пяти дней. Их ос-

вобождение завершилось несколькими десятками жертв, включая погибших британских и японских специалистов²⁵.

Наконец, отмечается недостаточная рациональная эксплуатация наличных ресурсов углеводородного сырья государственной алжирской компанией Сонатрак. Только за 2008-2012 гг. добыча ПГ на её крупнейшем газовом промысле *Hassi R'Mel* сократилась с 75 до 55 млрд м³ ввиду неудачно применённых методов интенсификации производства.

Считается, что в 2000-е гг. были существенно превышены оптимальные темпы разработки этого месторождения, чтобы компенсировать отставание с вводом в строй и наращиванием мощностей, по крайней мере, шести дру-

гих газовых промыслов Алжира. Это стало одной из главных причин сокращения экспорта ПГ из страны с 60 млрд м³ в 2007 г. до 52-55 млрд м³ в 2011-2012 гг., а также переноса на неопределённый срок проекта строительства нового газопровода на итальянский о. Сардиния - объекта алжиро-итальянского меморандума, подписанного ещё в 2007 г.²⁶

В то же время за 2005-2010 гг. доля внутреннего потребления относительно добычи применительно к нефти повысилась с 26% до 40%, а к природному газу - с 19% до 29%²⁷. Соответственно, доля «остатка» нефти на экспорт понизилась до 60%, а газа - до 71%. При сохранении подобной динамики Алжир уже в первой половине 2020-х гг. может ли-

шиться экспортных ресурсов жидкого топлива. В данном случае опять сталкиваются эффективность повышения ренты посредством усиления государственной монополии с необходимостью либеральных методов для мобилизации других экономических ресурсов.

Таким образом, без радикальных структурных реформ Алжиру всё ещё не удастся избавиться от последствий «ресурсного проклятия», хотя и проявляющихся в несколько более «мягких» формах, нежели в Ливии, Судане и Южном Судане. Остаётся лишь с надеждой наблюдать, какой же из развивающихся стран и когда удастся первой разорвать почти мистические узы этих экономических противоречий.

¹ Многие политические и социально-экономические события и проблемы «арабской весны» в Египте, Ливии и других североафриканских странах уже были проанализированы на страницах журнала. См., например: *Васильев А.М., Витницкий Д.И.* Новый виток египетской революции // *Азия и Африка сегодня* (далее - *АиАС*). 2014, № 1. (*Vasiliev A.M., Vinitzky D.I.* 2014. A new spiral of the Egyptian revolution // *Aziya i Afrika segodnya*. № 1) (in Russian); *Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // *АиАС*. 2014, № 2. (*Isaev L.M., Korotaev A.V.* 2014. Egyptian coup d'état: experience of econometrics analysis // *Aziya i Afrika Segodnya*. № 2) (in Russian); *Мещерина К.В.* Новая Ливия: тернистый путь... куда? // *АиАС*. 2014, № 2. (*Meshcherina K.V.* 2014. New Libya: the thorny path... to where? // *Aziya i Afrika segodnya*. № 2) (in Russian); *Дорошенко Е.И.* Государственная идеология новой Ливии как отражение социально-политических процессов в стране // *АиАС*. 2013, № 9. (*Doroshenko E.I.* 2013. The new state ideology of Libya // *Aziya i Afrika segodnya*. № 9) (in Russian); *Фитуми Л.Л., Солодовников В.Г.* Навстречу «арабской зиме» // *АиАС*. 2012, № 6. (*Fituni L.L., Solodovnikov V.G.* 2012. Towards the "Arab spring" // *Aziya i Afrika segodnya*. № 6) (in Russian); *Абрамова И.О., Бессонов С.А.* «Арабская весна и трансграничная миграция» // *АиАС*. 2012, № 6, 7. (*Abramova I.O., Bessonov S.A.* 2012. "Arab spring" and cross-border migration // *Aziya i Afrika segodnya*. № 6, 7) (in Russian)

² Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2013 Workbook - <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy-2013.html>

³ Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2009, ... 2010, ... 2013.

⁴ Экономическая инфраструктура стран Африки. М., 2012. С. 98-99.

⁵ Там же, с. 101; *Williams S.B.* Group's Egypt Woes Continue // *The Wall Street Journal*. May 1, 2014 - <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303678404579534991692516198.html>

⁶ *Mitnick J.* Israeli Offshore Natural Gas Is Headed to Egypt // *WSJ*. May 6, 2014 - <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303417104579545902477622762.html>

⁷ *Mohamed E.* Libyan official: US navy hands oil tanker to Libya // *Associated Press*. March 22, 2014.

⁸ *Hamilton J.J.* Libya's Oil and Gas Sector Problems Persist // *Libya Herald*. Business Eye. Tripoli, December 2013/January 2014, Issue 6, p. 18-19.

⁹ Страны Северной Африки: государство и экономическое развитие. М., Наука. 1987. С. 85-86.

¹⁰ История Ливии в новое и новейшее время. М., Наука. 1992. С. 139-157, 171-183.

¹¹ L'État algérien devrait investir massivement dans l'aciérie d'El Hadjar et en prendre le contrôle à hauteur de 51% // *Econostrum.info*, 30 Mai 2013; L'Etat se dirige vers le rachat de ArcelorMittal Annaba // *Algérie-Focus*, avril 10, 2013 - www.algerie-focus.com

¹² Algeria Autos Report. Summary. May 8, 2013 // *Business Monitor International* - store.businessmonitor.com/algeria-autos-report.html;

Renault launches industrial development project in Algeria // *Automotive World*. December 19, 2012 - www.automotiveworld.com/tag/algeria/

¹³ AGCO Grows Africa Presence with Establishment of Joint Venture in Algeria // *Business Wire*. August 17, 2012 - www.businesswire.com/

¹⁴ GE to build turbine factories in Algeria as part of 8,400MW supply contract // *African Energy*. Issue 250, 14 March 2013 - www.african-energy.com/

¹⁵ SNTF: histoire, modernité et défis // *Algérie Rail*. Édition Spécial, 19.06.2013, p. 7; «Chiffres clés» - www.sntf.dz

¹⁶ Ligne à grande vitesse. Algérie. Lignes en projet - fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/1024957#Lignes_en_projet

¹⁷ Middle East Steel 2012. Metal Bulletin Focus Supplements, December 2012. P. 5, 14 - www.metalbulletin.com; Algeria, Qatar ink Steel Plant Deal // *Agence France-Presse*. January 7, 2013.

¹⁸ *Saou M.* Bientôt la réalisation du complexe sidérurgique de Bellara // *Liberté*. 2013, Avril 17 - www.liberte-algerie.com/

¹⁹ Sonatrach, Ferphos et Sider en association: Consortium national pour l'exploitation de Gara Djebilet // *El Watan*, 10.06.2013 - www.elwatan.com/

²⁰ Algeria shies away from growth amid political doubt // *Zawya*. June 20, 2013 - www.zawya.com/middle-east/countries/algeria/

²¹ Algerian President Abdelaziz Bouteflika Wins Fourth Term // *The Wall Street Journal*, Updated April 18, 2014 - <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304311204579509613541298576.html>; Algeria's Bouteflika wins re-election with 81.5 percent: official results // *Reuters*. April 18, 2014 - <http://news.yahoo.com/algerias-bouteflika-set-election-foes-cry-fraud-120901159.html>

²² *Achy Lahcen.* The Price of Stability in Algeria // *The Carnegie Papers*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, D.C. April, 2013, p. 10-11 - http://carnegieendowment.org/files/price_stability_algeria.pdf

²³ *Achy Lahcen.* On the Algerian Economy: A Widening gap between resources and achievements - <http://carnegie-mec.org/2013/11/12/on-algerian-economy-widening-gap-between-resources-and-achievements/guny>

²⁴ Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2013 Workbook - <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy-2013.html>

²⁵ Algeria's oil and gas. Not so jolly. Recent events and wariness of foreign investors dent the oil-and-gas economy // *The Economist*. February 9, 2013.

²⁶ Hassi R'Mel, la chute d'un géant // *Africa Energy Intelligence*. P. № 709 du 29.10.2013; Incertitudes sur Galsi - № 687 du 20.11.2012.

²⁷ *Achy Lahcen.* Algeria needs more than Hydrocarbon Law Amendments - <http://carnegie-mec.org/2013/01/22/algeria-needs-more-than-hydrocarbon-law-amendments/f4rg>